

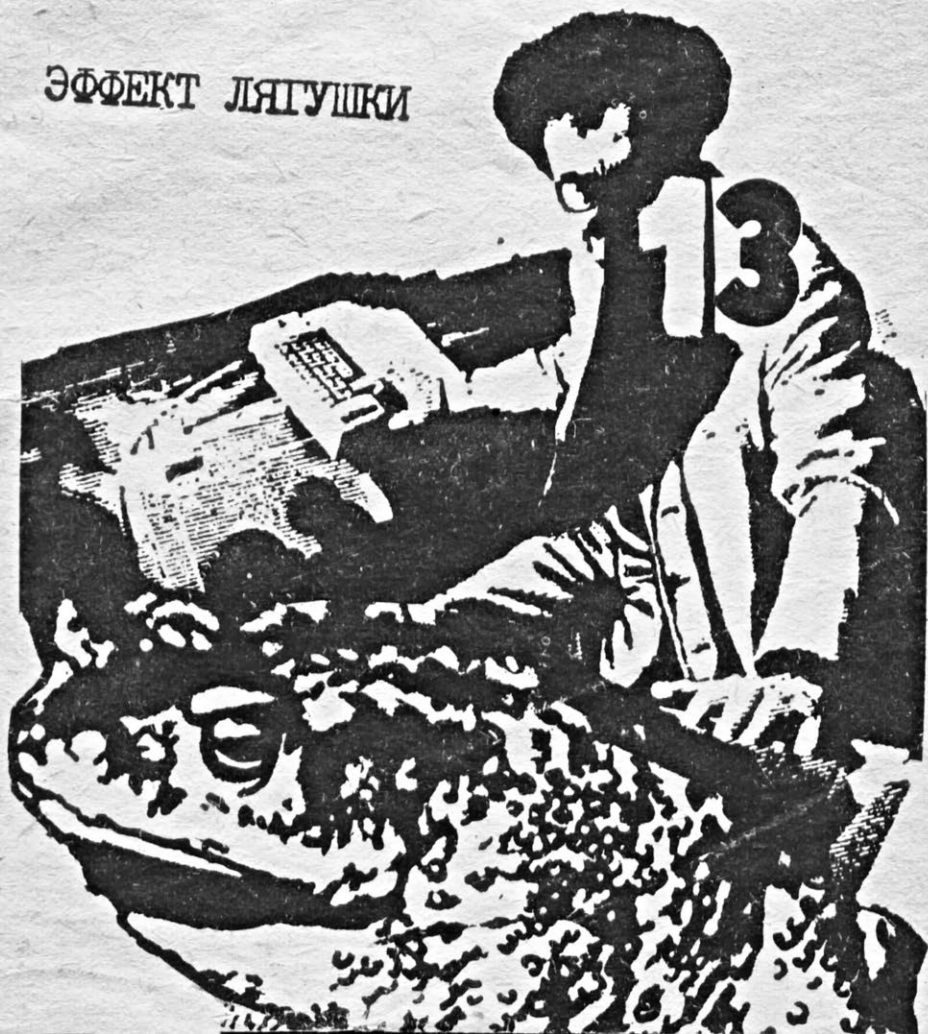
Фантакрим

ФАНТАСТИКА
ПРИКЛЮЧЕНИЯ
ДЕТЕКТИВ

micro

Александр ПОТУПА

ЭФФЕКТ ЛЯГУШКИ

ББК 84Р7-4
П64

ИЗДАНИЕ ПОДГОТОВЛЕНО
ПРИ УЧАСТИИ ЛИТЕРАТУРНО-ИЗДАТЕЛЬСКОГО
АГЕНТСТВА «ЭХО»

П 64 Потупа А. С.
Эффект лягушки: Фантаст. рассказы /—
М.: Прометей, 1989.—31 с.

Фантастические рассказы о столкновении человека
с необычным, о проявлении человеческой сути в
экстремальных ситуациях.

Для широкого круга читателей.

000000000

П————— Без объявл.

ББК 84Р7-4

000000000

© Издательство «Прометей» МГПИ
им. В. И. Ленина, 1989

Литературно-художественное издание
(Фантакрим-микро; фантастика, приключения,
детектив)

Александр Потупа
ЭФФЕКТ ЛЯГУШКИ
Фантастические рассказы

Составитель выпусков «Фантакрим-микро»
М. Андриюшкин

Редактор выпуска А. Иванов

Оформление С. Баленок

Корректор И. Грузнова

Ответственный за выпуск В. Шлосберг

Сдано в набор 27.07.89. Подписано в печать 04.08.89.
Формат 84×108/64. Бумага офсетная. Гарнитура литературная.
Печать офсетная. Усл.-печ. л. 1,45. Уч.-изд. л. 1,51. Тираж 110 000
экз. Заказ №2025. Цена 30 коп. Издательство «Прометей» МГПИ
им. В. И. Ленина, 119048 г. Москва, ул. Усачева, 64. Отпечатано
в Мадонской типографии, г. Мадона, пл. Падомью, 2.

ЭФФЕКТ ЛЯГУШКИ

Удивительно спокойная катастрофа... Кругом тихо, до ужаса тихо. Нас окутывает какая-то безобразная, бессмысленная тишина. И лишь один звук упорно пытается разрушить, искромсать ее — то ли кровь стучит в висках, то ли плавающим свинцовым шариком бьется о стенки черепа короткая, но исчерпывающая оценка случившегося:

— Застряли-в-бета-туннеле... за-стря-ли-в-бе-та-тун-не-ле...

Так и есть. Тринадцатая кабина серии «Бета» сидит в туннеле. Тринадцатая кабина основной серии «Бета» сидит... Из этого положения еще никто не выбирался, но важнее всего — никто в него и не попадал...

Уникальный капкан захлопнулся. Мы же — Дональд Кинг, Марио Кальма и я — понятия не имеем о местонахождении капкана. В том-то и загвоздка, что во всей Вселенной-долгожительнице нет для нас даже небольшого местечка, даже самого крохотного «нынче» и то не существует. Мы как бы выпали из общедоступной четырехмерности. И все-таки мы живы, живы до сих пор...

До сих пор основная серия шла не так уж плохо. Только «Бету-7» подстерегла истинная беда — кабина выпрыгнула из туннеля у поверхности какого-то захолустного пульсара. Ребята и скорлупка, в которой они сидели, — все раскрошилось под действием могучих приливных сил. Что поделаешь, малая вероятность несчастья гарантирует лишь приличный страховой полис, отнюдь не саму жизнь, тем более — не жизнь Испытателя. Бывают случаи и пообидней, чем с «семеркой». Угораздило, скажем, Жака Дюфрэ из побочной серии наткнуться на микрозвезду — миллиард тонн размером с атомное ядро. Попробуй учти такое...

Если бы в космосе плавали лишь привычные славные плазменные шары, если бы... Но уже первые дальние броски кабин дали сногшибательные результаты. В буквальном смысле сногшибательные — едва ли ни о каждый результат спотыкались Испытатели.

Забавней всего интерпретирует новые открытия Кинг: представьте себе добропорядочное семейство, которое просыпается в своем ультрасовременном коттедже и вдруг обнаруживает, что все вокруг до предела насыщено разнообразной чертовщиной — домовый возится с собакой, на кухне шлепает дверцами холодильника симпатичная ведьма, в бассейне престарелый водяной гоняется за юной русалочкой, а в кабинете хозяина некий козлообразный джентльмен потягивает лучший коньяк и листает томик Бодлера...

Обычно в этот момент лицо Дональда наливается краской, челюсть отваливается, руки трясутся, глаза вылезают из орбит — натуральный отец добропорядочного семейства, узревший нечто, до неприличия дерзко и насмешливо выходящее за рамки его

не слишком богатой фантазии. Кинг утверждает, что это лишь слабое отражение той реакции, которую непременно вызвали бы сводки из наших отчетов у астрономов предшествующих поколений.

Забавно — даже в такой более чем сомнительной ситуации пришла на ум одна из неподражаемых сценок Дона. Простая улыбка на дне самой безвылазной из безвылазных ям чего-то да стоит. А бета-туннель — яма хоть куда...

Эти туннели — пожалуй, самая невероятная деталь в современном полотне космической экзотики — были обнаружены лет двадцать назад во время опытов по высокой концентрации энергии. Вскоре начались эксперименты по сверхдальним переброскам. Полной теории все еще нет — теории нет, а туннели работают вовсю, транспортируют исследовательские автоматы, грузы, а теперь и людей. Таково золотое правило нашей игры с природой — используя, постигаем. В конце концов и далекие предки бета-кабин, паровозы, двинулись в путь при всеобщем убеждении, что котел работает благодаря особой тепловой жидкости — флогистону.

Похоже, после открытия бета-туннелей самое пространство оказалось чем-то вроде флогистона, а на самом деле...

* * *

А на самом деле, мы — Марио, Дон и я — застряли в бета-туннеле. И хорошо еще — знали бы, что это значит. По теории выходит — мы и места в пространстве не занимаем, и время для нас не течет. Но теория теорией, а факты куда приятней — я уже открыл глаза, дышу и, главное, хочу есть.

Нелепость какая-то! Люди, попавшие в невиданную катастрофу, не затерявшиеся в нормальной

межгалактической пустыне, а буквально вывалившиеся из пространства-времени,— голодны как волки.

Смело обобщаю, потому что взгляд Марио направлен как раз в сторону пищевого автомата. Не думаю, что он увидел там представителя иной цивилизации — этим Кальму черта с два удивишь. Да и взгляд у него не вопрошающий, а жаждущий. Так что инопланетянин должен сильно смахивать на бутерброд с гусиной печенкой...

Вот и Кинг облизнулся...

* * *

Кинг облизнулся и вполне благодушно спросил:

— Парни, а куда мы попали?

— В туннель,— лениво буркнул Кальма, дожевывая последний кусок.

— Посмотри на табло,— добавил я.

А на табло горела красная буква «бета». В этом все дело. Мы никогда не видели столь эффектного зрелища, и в общем-то хорошо, что не видели. Мы просто знаем, что буква вспыхивает, когда кабина находится в бета-туннеле, но для нас это длится меньше самого краткого мгновения. Мы не успеваем заметить горящую букву, и в этом наше счастье. Но сейчас мы воспринимаем ее столь отчетливо, как друг друга. Она — сигнал высшей опасности, бросающая реклама пребывания в нигде.

— Плевал я на этот семафор,— сказал Кинг, вытаскивая из кармана зубочистку.— Куда мы попали, что нас окружает, понимаете?

— Нас ничего не окружает,— ответил Кальма.— И ты понимаешь это не хуже других. И не раскачивай нас, Дональд.

Раскачивать — значит причитать по поводу очевидной опасности, пока не найден способ борьбы с ней. Раскачивать — последнее дело, лучше уж подраться. Только, думаю, Дон вовсе не собирался никого раскачивать. И это не банальное желание завязать умный послеобеденный разговор...

Просто пришло время говорить обо всем вслух. Пришло время рассеять едкий гаденький туман страха, скопившийся в наших извилинах.

Ведь с голодом-то мы справились...

* * *

С голодом-то мы справились, а вот со всем остальным что делать? И что это — все остальное? Что, собственно, происходит за бортом «Бета-13»? Происходит в нигде и ни с чем. Но ни с чем и произойти-то не может. Тем более, если в нигде...

С ума сойти от такой схоластики. Впрочем, мы народ тренированный насчет — раскачки — и внутренней, и внешней. Нас просто так не прошибешь. Пугливым на «бетах» делать нечего — не для них эта работа.

«Восьмерка», например, ухитрилась выскочить из туннеля в атмосфере симпатичного красного гиганта. Но ребята не сдрейфили. Искупавшись в плазме, они успели дать полный стартовый рывок и унесли ноги из самого пекла.

А на «десятке» — и того хлеще. Врезались в окрестности черной дыры, хорошо еще — в эргосферу, откуда можно было убежать.

Странно ли, что обретая опыт, никто или, скажем, почти никто из нас не стремился дважды оседлать «бету»? На первый раз повезет — можешь даже открыть планету со всякой живностью, как случилось с «Бетой-3». Но при повторной попытке

неприменно угодишь в натуральную дыру или во что похуже.

Среди нас это вроде поверья, что ли... Поверья стартовавшего вместе с капитаном «семерки», легендарно удачливым Рахмакришной, тем, который вел знаменитую «Бету-3»... Нельзя лететь второй раз — быть беде. Да если б лететь! Если бы ты чем-то управлял, и от тебя что-нибудь зависело... Так ведь нет! Туннель управляет тобой и твоей судьбой, начисто отрезает от внешнего мира, и ты вообще начинаешь сомневаться — существует ли этот внешний мир и разумны ли его законы. Врезаться в ту или иную пакость на выходе — еще полбеды, главное в ином — туннель как-то забавно перетасовывает информацию, фрагменты памяти мечутся, как цветные стекляшки в детском калейдоскопе, выстраивая десятки реальностей, каждая из которых ничему не соответствует. Такова цена, которую приходится платить за краткое — для тех, кто наблюдает извне, очень краткое — пребывание в совершенно искусственном и весьма по-дурацки запрограммированном информационном канале, именуемом бета-туннелем. Но об этом у нас не принято говорить. В конце концов нормальное мировосприятие восстанавливается довольно быстро — лишь бы выскочить благополучно и своевременно. Ощепатки остаются — не без этого. Ощущение безотказной триггерной ячейки в гигантском полупьяном компьютере, путающемся в начальных строках таблицы умножения, еще долго преследует тебя, но — лишь бы выскочить благополучно и своевременно...

Не здесь ли истинный источник поверья? Не в этом ли непередаваемом ощущении? Или в полном непонимании тех безымянных и никак не умещаемых в горизонты человеческих понятий проектантов, которые сумели пронизать Вселенную

свёрхсложной сетью бета-туннелей, созданных, быть может, вовсе не для транспортировки в будущее или к центрам иных галактик, а кто знает, с какой целью? Безграничный контроль над любой точкой космоса или просто вселенская суперканализация, или, черт побери, какая иная воплощенная светлая мечта, катастрофически красивая и тем более убийственная?.. В полном непонимании — столь превосходной питательной среде для страхов и предрассудков...

Бесшабашный Жак Дюфрэ, на счету которого был один из самых первых туннелей, не посчитался с зарождающейся традицией — решил испытать кабину-одиночку из побочной серии. Эти кабины отлично туннелировали, а вот судьба Жака испытания не выдержала... Случайно ли встретила на его пути проклятая микровозвезда?

А теперь я сам пошел наперекор суеверию, которое после гибели Жака стало превращаться в неписанный закон. Второй бросок Дюфрэ оказался каким-то магическим знаком... Мы не были особенно близки с ним — просто коллеги-приятели. И вроде бы у меня нет оснований мстить, тем более — бета-туннелям, явно сбрендившим от заброшенности, от миллиардолетнего невнимания со стороны своих творцов и первопользователей. Не в этом дело... Но не достаточно ли того, что люди исчеркали себя изнутри и снаружи целой сеткой предрассудочных символов, покрыли этой сеткой свою планету? Неужели это неизбежно и в космических масштабах? Преклоняться перед информационным шулерством бета-туннеля, разделять его правила игры с человеком — этого еще не хватало!

Не могу сказать, что решение о повторном туннелировании далось безболезненно. После броска на «десятке» бета-кабина вряд ли покажется

привлекательной. Но кто-то должен был сделать этот шаг.

А теперь мы все будем расплачиваться...

* * *

— Теперь все мы будем расплачиваться за твой чертов атеизм,— говорит Дон.

Говорит вполне серьезно, и вдруг я словно бы кожей ощущаю импульс взаимного озлобления, маленьким смерчем ворвавшийся в нашу кабину.

«Ничего себе поездочка в будущее!— мерцает во взгляде Марио.— Провалитесь вы все с такими идеями... Куда ты увлек нас, и что с нами будет?..»

У Дона сжимаются кулаки.

Чувствую — он не прочь зубы мне высадить за наплевательское отношение к общепринятым табу, за нарушение простых и потому безусловных правил, писанных или неписанных... И за многое другое — не знаю, за что, с его точки зрения, непременно вызывающе безумное.

И у меня тоже — настоящий внутренний взрыв. Хочется вскочить и разыграть роль взбесившейся гориллы — орать, бить себя в грудь и запугивать, запугивать, запугивать...

Хочется вогнать этих слизняков в истинно животный страх, чтобы знали, какво рисковать — не в смысле абстрактной вероятности испариться посреди бета-туннеля, сгустка чужой и загадочной мысли, а в смысле реальной собственной шкуры, которую вот-вот начнет дырявить сорвавшееся с тормозов живое существо, переполненное нетерпимостью, отравленное невозможностью дальнейшего заточения в сразу сузившемся комочке пространства.

Они решили, что бета-туннель лишь для таких, как я, лишь мне можно застревать в нем или красиво сгорать в момент выхода, а их предназначение — делиться мудрыми объяснениями и глубоко сожалеть о случившемся. Случившемся не с ними!

Но так не будет, не будет! Гореть, так вместе, потому что туннели сквозь Вселенную, туннели в наше будущее — общая игра, и никому не дано выйти из нее на полпути. Здесь нет полпути — нет такого понятия, нет ни остановок, ни пересадок, никаких «Гуд бай!» и «Чао!», освобождающих от сотрудничества. Есть движение от общего начала к общему концу, нравится это или нет...

И я готов вбить в любого из них эту общность, вздеть их рога этой общности, ибо сейчас я — разъяренный бык. Не какой-нибудь символ лунного бога или солнечной души и не ритуальная жертва Юпитеру или Илье-пророку, а реальный разъяренный бык, и пусть перед моими глазами не замусоленная красная тряпка, а архисовременное табло с горящей буквой — тем хуже. Я готов к самым изощренным — древним или современным — приемам борьбы, пусть считают меня жесточайшим из тиранозавров, я отступлю еще ниже по эволюционной лестнице — на любую ступеньку, за которую можно зацепиться, чтобы выжить.

Еще немного, и кто-то из нас бросится в атаку с выставленными кулаками, а потом пойдут в ход блейзеры — этого не миновать. И мы исполосуем сжимающееся пространство кабины лучами превентивных ударов, разрежем друг друга и общие стенки, чтобы впустить сюда застеночное ничто и бесповоротно — теперь уже бесповоротно — выпасть из времени...

Бред! Настоящий приступ коллективного бреда, за который мы все будем расплачиваться...

— Теперь мы все будем расплачиваться за твой чертов атеизм,— повторяет Дон, но совсем уже иным тоном.

И вдруг начинает смеяться так, как только он один и умеет. Великолепные зубы блестят, волосы рассыпаются, колени подрагивают... За ним вступает Марио. Он смеется спокойно, смакует смех — трудно поверить, что этот образцово-выдержанный парень способен взорваться миллионом восклицаний и жестов через несколько секунд после полета или тренировки. Я смеюсь едва не до слез.

Нет, это не истерика. Это вполне здоровый смех, необходимый и, возможно, спасительный. Впрочем, спасительный от чего? Если б мы знали...

Кальма выключается первым. Он мгновенно становится серьезным и ко всему готовым — настоящий Испытатель люкс-класса.

— Что скажешь?— обращается он ко мне.

— Эффект лягушки,— отвечаю я, продолжая посмеиваться.

Кинг уже затих. Он исследует меня долгим взглядом. Сейчас его глаза — отличная ловушка. Ловушка для надежды. Ни один квант надежды не проскользнет мимо. Любой бета-туннель — детский капканчик для мух по сравнению с этим взглядом-ловушкой.

Вот уж проблема, так проблема — ребята уверены, что однажды проскочивший туннель знает некие правила, на худой конец владеет петушиным словом. Если бы! Но ведь правил-то нет — правил, тех выходов, о которых любят рассуждать в логически безупречном внешнем мире, здесь попросту не существует. Туннель играет по-своему — чудовищно деформируя представления своих обитателей, он существует за счет этих деформаций, навязыва-

ет особый вариант бета-жизни, которая оттуда, извне, кажется мгновением путешествия-подвига. Кажется... Между тем, она существует, эта бета-жизнь, и самое страшное — я вовсе не уверен, что в данный момент реклама несчастья на экране и ощущение сытости, недавняя вспышка озлобления и преследующий меня ловушечный взгляд Дона не являются ее фрагментами.

— Приступим, что ли? — спрашивает Кинг.

И мы не спеша — куда уж тут торопиться? — перебираем все возможные и невозможные варианты спасения. Мы не очень-то разбираемся в физике бета-туннелей, куда меньше наших теоретиков. Но вся загвоздка в том, что мы застряли в этом проклятом туннеле, а друзья-теоретики застревали только в своих уравнениях. И уж конечно, лучше путаться в значках на бумаге, чем в реальных завитушках пространства и времени и еще чего-то там такого, что вообразило себя надвременной категорией и принялось размножать безотказные триггерные ячейки в гигантском полупьяном компьютере.

Впрочем, у нас нет выбора, и смешно думать о всяких там «лучше» или «хуже». А самое забавное — застрять в туннеле бета-кабина никак не может. Если верить теории, кабина должна немедленно испариться или уйти в собственное будущее, разумеется, очень далекое и светлое. Если верить табло и своим ощущениям — мы живы и на самом деле застряли, а будущим и не пахнет. На экране горит красная буква «бета», а все датчики внешнего информатора на абсолютном, так сказать, нуле. Окружающий мир словно потерял свои характеристики — похоже, мы и вправду вывалились из него. Вывалились и почему-то проголодались, и чуть не перерезали друг друга, и сейчас мирно

обсуждаем безвыходность положения. И живы вопреки всем законам природы.

Да здравствуют обнадеживающие противоречия!

Однако же, восклицаниями разбрасываться рано. Надо искать выход и барахтаться...

* * *

Искать выход и барахтаться — в этом, коротко говоря, и состоит знаменитый эффект лягушки.

Когда два года назад моя «десятка» выпрыгнула из туннеля вблизи черной дыры, пришлось мгновенно, еще до поступления подробных данных с внешнего информатора, бросить кабину в эрго-маневр. Вся штука заключалась в том, что окажись мы на самом деле чуть ближе, такой маневр лишил бы нас даже нескольких законных мгновений жизни. Но мы выскочили как пробка из бутылки. А потом пришлось месяца три капитально ремонтировать психику — глубокий гипномассаж, и прочее, и прочее... До сих пор не могу забыть вкрадчивый голос профессора: «... в мире нет ничего такого, что имело бы черный цвет... нет этого цвета и быть не может... мир — крепкое ярко-красное полотно... в нем нет дыр... не может быть дыр...»

Н-да... Есть в мире черный цвет, и всяких других цветов в мире сколько угодно, и не такое уж крепкое полотно — дыр хватает... Но говорить о дырах легче всего, выбираться из них гораздо сложнее. Как найти спасительный маневр — вот в чем вопрос. Как оторваться не от того или иного концентрата частиц, именуемого звездой, а от стусившейся в бета-канал светлой мечты его создателей? Увы, об этом ни словечка в пособиях по космонавтике...

— почему мы ничего не ощущаем — ни тяжести, ни вибраций, ни архангеловых труб?

Во всяком случае, включать генераторы до полного выхода из туннеля нельзя — получилась бы славная вспышка. И нет хуже положения у Испытателя, когда он лишен возможности куда-либо двинуться — к Земле, к звездам, наконец, к черту на рога... Что же делать — ползком выбираться из туннеля, что ли?

Обсуждение закончилось, да и обсуждать, в сущности, было нечего. Единственная стоящая идея повисла в воздухе сразу после нашего неповторимого завтрака, и, может, ее невысказанность чуть не довела нас до полного краха. Надо выйти из кабины и уносить ноги хоть пешком, хоть действительно ползком. Недурственная сенсация для репортеров — храбрый экипаж тринадцатой кабины по-пластунски преодолевает бета-туннель...

Встаю с кресла и, придерживаясь за все выступы подряд, пробираюсь к выходному отсеку.

— Твое право, кэп, — бурчит Дональд. — Но лучше бы мне пойти. Я поздоровей тебя, кэп, и опыта работы за бортом у меня побольше...

Делаю веселый вид:

— Пойдешь следующим, Дон. Ровно через тридцать минут. Соберешь мои косточки, старина.

Марио через силу улыбается:

— Стоит ли драматизировать...

* * *

Стоит ли драматизировать... в самом-то деле — стоит ли? Это просто же, как дважды два. Когда за твоей дверью происходит что-то непонятное, накапливается некая злая сила, не жди, не мучайся,

е унижай себя — открой дверь и выйди. Со злой силой, а всякая угрожающая неизвестность — страшная злая сила, надо встретиться лицом к лицу. Она может убить тебя, растоптать, разорвать на части, но ты до последнего мгновения останешься человеком. И не дожидайся того момента, когда твое убежище начнет сжиматься — не стены, нет, а вязкая оболочка страха. Она залепит глаза и уши, загонит назад в горло последний протестующий крик, распластает, вдавит в землю, заставит воспринять как сладчайшее счастье твое растворение в пакостной луже, коей злая сила удостоила отметить твой порог...

Выходной отсек в полном порядке. Все на месте. Надо влезть в скафандр и двинуться за борт.

Страшновато? В общем-то, да. Можно открыть люк и за исчезающе малую долю секунды рассыпаться на атомы или на что помельче. Но ведь не распадается же стенка кабины. Кажется, на этот раз туннель устроил новую игру — пичкать нас иллюзиями бета-жизни ему надоело, захотелось побаловать нас бета-смертью. Нечто новое и непонятное...

В углу резко метнулась тень — словно лягушка прыгнула. Нет, всего лишь тень руки. А было бы неплохо иметь провожатым какого-нибудь простецкого подмосковного лягушонка. Лучше не какого-нибудь, а именно того, который так напугал Иринку...

Неужели где-то есть эти столетние заболоченные пруды, есть Иринка, нараспев читающая стихи, есть «огромность квартиры, наводящей грусть», есть я без этого нелепого скафандра и вне туннеля, есть лягушонок, который прискакал немного поиграть с красивой тетей Ирой, а его не поняли и испугались...

Не поняли и испугались — самое человеческое сочетание реакций. Сначала лягушонка, потом меня и моего дела. И заболоченные пруды канули куда-то. Одно дело стихи, другое — реальные туннели, откуда так легко угодить к профессору с вкрадчивым голосом.

Иногда пруды оживают, лента памяти заполняется зеленовато-коричневыми мерцаниями, солнечными бликами, Иринкиным шепотом...

И сразу, без перехода, — словно склеили куски двух разных киноплёнок — встает перед глазами первый визит в главный Бета-центр. Отборочное собеседование. Но дело не в нем, оно — стандартное действие в жизни Испытателя.

В вестибюле Центра сразу бросается в глаза презабавная скульптура. И какой шутник придумал поставить здесь эту огромную лягушку из яшмы на золотистом куске масла?

Впрочем, старая притча неплохо вписалась в огромное пространство вестибюля, который в одном из телерепортажей был определен как «врата в будущее». Уж не в то ли, где мы теперь оказались?

У лягушки усталый вид, из-под левой задней лапы еще летят брызги. Она спасается, она работает... Она по уши заляпана сметаной и комочками масла, но она добилась своего и создала свой кусок тверди, создала вопреки законам физики, ибо в принципе обычной лягушке не под силу такое дело... Между прочим, она еще не победила окончательно — скользкий островок масла плавает в целом сметанном озере. Не победила, но сделала главный шаг к победе... Может быть, смелость — комок затвердевшего страха?

Как бы то ни было, прощай, лягушка, древний символ воскресения. Спасибо за проводы...

Люк медленно отъехал в сторону, и я шагнул за борт. Вокруг мерцали звезды — обычные славные плазменные шары. Мое тело поглощало метры пространства, которое никуда не исчезало...

* * *

— Никуда не исчезало ваше пространство и исчезать не собиралось, — сказал я, заглянув в кабину ровно через двадцать девять минут и растирая затекшее плечо. — И кажется, оно по-прежнему трехмерно...

— Дон, приступай к ремонту внешнего информатора. Там еще хороший десяток повреждений. И в системе дубля тоже. Марио передаст сигнал выхода и сменит тебя через полчаса. Я хочу спать, — добавил я и сел в кресло.

Не стоит пугать ребят — пока ни к чему. Они сами все поймут. Туннель сыграл с нами, быть может, лучшую свою шутку — чуть не убил взаимным коротким замыканием. Созерцание вновь обретенного мира успокоит их, а ремонт — тем более, он кого хочешь заставит успокоиться. Вероятность полного восстановления невелика — туннель поработал на славу... Но нас будут искать, нас непременно отыщут...

— Надо посоветовать кое-кому сунуть это дурацкое табло куда-нибудь подальше, — пробормотал я, проваливаясь в крепкий и ярко-красный, как полотно Вселенной, глубокий сон, неизбежный пролог к моей следующей, возможно, более счастливой бета-жизни...

ЭФФЕКТ ЛАКИМЭНА

— Я не шучу, мистер Лакимэн,— повторил старик.

— В таком случае я отказываюсь понимать — в чем суть вашего предложения? Это же... Это же, простите, чертовщина какая-то. Мало ли что я захочу. Например, можете ли вы сделать меня Господом Богом? Существом с большой буквы, всемогущим, так сказать, и всеведущим?

— Пожалуйста, мистер Лакимэн. Я действительно могу исполнить любое ваше желание.

— Гм, странно... очень странно... Но зачем вам это, если не секрет? Ах да, понимаю,— Мефистофель и Фауст, не так ли? И разумеется, вы потребуете в залог мою душу...

— В залог? Нет, только не это... Хотя я и не совсем бескорыстен. Возможно, мне хочется кое-что выяснить...

Или тебе — как знать?

— Послушайте, бросьте эту нелепую игру. Не станете же вы уверять меня, что служите полномочным представителем ада на земле. Тем более, здесь умеют устраивать такое пекло, которое и не снилось мистеру Люциферу... Ладно, признавайтесь-ка побыстрее, что за товар вы хотите запродать... Вы забавный коммивояжер, но, простите, у меня много работы, мистер... э-э... как вас?

— Имя мое не играет роли. На свете тысячи добропорядочных имен — можете дать мне любое. Полагаю, вы не станете требовать удостоверение. Разве проверяют документы у своего счастья, дорогой профессор?

— И все-таки, чем я должен заплатить за вашу необычную любезность?

— Ничем, профессор, считайте, что ничем.

— Э!?

Да, да, ничем. Просто я предлагаю исполнить любое ваше желание. Подчеркиваю — абсолютно любое, но одно! Можете думать, что плата — в вашем выборе, в неосуществимости того, о чем вы сейчас промолчите... А душа ваша, поверьте, мне никак не нужна, не нужна ни в заклад, ни в подарок — я и так переполнен ею сверх меры...

Лакимэн пожал плечами и, прищутив глаза, на несколько минут погрузился в спасительный поток логики. Нет, это не сон и не галлюцинация — звонок старика полчаса назад... настойчивый голос в трубке — неотложное дело, касающееся Чарлза Лакимэна и, возможно, проблем, над которыми работает уважаемый профессор... Откуда этот тип узнал номер телефона?... Хотя нет ничего проще — справился на факультете, наконец, просто полистал справочник, обычный телефонный справочник... Так, понятно, наверняка досужий дилетант, ошалевший от знакомства с популярными книжонками и от великолепия собственных бредовых замыслов... Кстати, надо же, только-только наметилась отличная идея вывода, впрочем, очередная отличная идея за последние десять лет... ускользающее уравнение... все равно — необходимо проверить, хотя бы построить эту неподдающуюся промежуточную оценку... в ней должен скрываться какой-то наблюдаемый эффект, но как его вытащить? И вот, вместо спокойного вечера за столом, вместо обычного предрассветного салюта над еще одной свежезахороненной надеждой — очередной проект велосипеда с вечным двигателем... всегда так выходит у этих полусумасшедших любителей-открывателей — половина открытия известна с допотопных времен, а другая половина — сплошная нелепость...

— Мистер Лакимэн, я просил пятнадцатиминутную аудиенцию. Простите за назойливость, но большим временем я и сам не располагаю. Неуже-

и вам так трудно высказать самое главное свое желание?

— Погодите немного, мистер Загадка, я никак не пойму, в чем здесь фокус. Не торопите меня, пожалуйста.

Не торопите, не заставляйте быть невежливым... главное желание — чтоб он поскорее убрался из моего кабинета... должно быть, еще один признак старости — больше всего хочется, чтобы тебя оставили в покое... Это верно, он просил только четверть часа... в конце концов, можно устроить себе небольшой перерыв...

Странный тип с манерами молодого комми... может, это и вправду маска, неподвижная старообразная маска, а не лицо... и я буду таким? Карнавальный вариант Лакимена, завершающего свой круг?.. А ведь что-то есть... вот только взгляд, слишком много понимающий взгляд без ненависти и сострадания — как два ракетных колодца, раскрытых навстречу ясной, трижды рассчитанной цели... тьфу, мистика... Не в лице ведь дело, хотя именно оно делает пришельца стариком, и нет ему другого имени... мистер Загадка!.. вот так-то, уже не посетитель, даже не ночной гость, как принято говорить в старых детективах, а прямо — пришелец... не хватает только наскоро сколотить для него славную галактическую биографию — великий капитан звездолета пытается установить контакт с узколобым земным профессором, полагая, что обнаружил крупицу разума...

Стоп! Надо сосредоточиться, разложить все по полочкам, уж полочек-то в науке с избытком. Понятно, предложение старика — мистификация, не стандартная, но все-таки — мистификация. Чего не может быть, того не бывает никогда, или наоборот — оно встречается слишком часто, и никому не приходит в голову возмутиться. Итак,

необходимо объяснение, единственно верное научное объяснение поведения этого типа...

О! Конечно же, он сумасшедший, самый заурядный беглец из лечебницы для умалишенных... магия божественного величия — любопытнейший синдром. Как бы связаться с подходящим учреждением? Попросить его обождать в соседней комнате? Самому выбежать? Н-да, положеньице...

— Оставьте ваши подозрения, дорогой профессор, это по крайней мере невежливо. И помните — у нас совсем мало времени...

Кстати, что есть время? Было бы интересно задать ему этот скромный вопрос, но прилично ли подыгрывать этому... этому... Да что ж творится!

— Вы умеете читать мои мысли? — испуганно спросил Лакимэн.

— Мне вовсе нетрудно читать ваши мысли, видимо, гораздо легче, чем вам разбираться в них. Не обижайтесь, Лакимэн, — так бывает... Иногда мы нуждаемся в переводчике, в том, кто способен перевести нас на нам же доступный язык.

А ведь старик действительно не прост, далеко не прост... во всяком случае, он ловко читает мысли и даже слегка иронизирует по поводу прочитанного, иронизирует вполне справедливо... Впрочем, читать готовые мысли не сложнее, чем их формулировать... особенно когда пытаешься сообразить, что самое главное, а что самое второстепенное...

Лакимэн снова прикрыл глаза. Ему уже не хотелось разоблачать странного пришельца. Пожилой профессор медленно запутывался в сказочных сетях и не испытывал ни малейшего желания вырваться из их заманчиво переливающихся хитросплетений, чтобы вновь уйти в безобразно правильный мир научных фактов.

Пусть этот старикан — настоящий джинн из укутанного тысячелетней пылью кувшина, пусть он

неизвестным способом перенесся с далекой планеты, обитатели которой могут творить любые добрые дела и выглядят великими колдунами в наших до обидного узеньких человеческих масштабах, пусть так — какая разница? Вспомнить хотя бы детство — очень похожие на это видения во сне и наяву, когда Чарли выпрашивал для себя карьеру астронавта или мультимиллионера, освобождая от злых напастей персидскую принцессу и отбивая у мускулистых идолов все мыслимые чемпионские титулы.

Как ни странно, болезненно-привлекательная картинка встречи с такой вот щедрой всесильностью преследовала его повсюду, не оставляла ни в школе, ни в университете, только желания менялись, становились разумней и практичней — круг интересов все больше стягивался, стремился сжаться в точку, обозначающую главную научную цель. Впрочем, в трудные дни, о которых Лакимэн меньше всего любил вспоминать, ему грезились толстенькие пачки долларов, и он немедленно уходил из фирмы в чистую науку или исцелял мать невероятными азиатскими средствами, иногда он получал безграничную власть и ссылал на необитаемый остров профессора Дрэгса, затормозившего на несколько беспросветных лет развитие работ своего молодого коллеги... Тени детства по-своему оберегали от боли, нелепо растопыренными локотками пытались защитить от обид... Постепенно мечты начинали плестись за жизнью, следовать всем ее непонятным и далеко не простым поворотам, но ожидаемое чудо, конечно же, не свершилось — ни в юности, ни много позже, когда к Лакимэну пришла некоторая известность и устойчивая репутация человека с богатым воображением. А теперь ему нужен был лишь тихий кабинет вдали от суеты заседаний, административных баталий и представительского пустозвонства — необходимо подытожить себя, ина-

че и вовсе иссякнет желание довести до конца свои старые замыслы, главное дело жизни, до которого, разумеется, никогда не доходили руки — такова уж судьба главных дел жизни, вечно затираемых насущностями и второстепенностями... А этот старик пришел поздно, опоздал всего на несколько лет, а может быть, десятков лет — как знать...

— Я жду, профессор...

Я очень давно жду, Чарлз Лакимэн. Не восемь с половиной минут, а почти пятьдесят лет. Ты можешь думать что угодно, но вряд ли удастся объяснить тебе, Чарлз Лакимэн, кто я и зачем потревожил твой воображаемый покой, твое якобы прямолинейное и равномерное движение к цели, движение, для которого не хватит никакого времени, тем более — твоей жизни... Я — твой успех или полный крах, ты сам выберешь, но не пытайся разгадать меня, проникнуть в суть своего иного Я, я — вне рамок, чудом проскочившего мимо жестких валиков формирующего нас конвейера, Я, неприкасаемого и непостижимого — в этом счастье. Тебя вновь переполняют фантастические образы — это прекрасно. Еще немного, и ты сумеешь совершить тот самый прыжок, который обессмертит твое имя, что, разумеется, бессмысленно, как бессмысленны и иные человеческие символы. Обессмертит — таков штамп, а правда в другом — в тяжести несвершенного. Свинцовые грузики иллюзий будут и дальше тянуть тебя в несуществующие глубины, на поиски уравнения, которого нет и никогда не будет. Есть только путь, и от вешки, которую ты сумеешь поставить, люди пойдут совсем иной тропой, не похожей на твою...

Тебе грезится звездный капитан, психологический тест землян, порученный ему. Прекрасная сказка... Представь себе мой отчет на далекой и вовсе не похожей на Землю планете: пожилой фермер попро-

сил новенький универсальный трактор, юный художник — несколько сотен долларов, чтобы дотянуть до следующей выставки, писатель средних лет — чудокомпьютер для штамповки высококалорийной прозы, ручное изготовление коей отвлекает его от любимого дела, то бишь рыбалки... Счастлив этот мир в преодолении своих несчастий, вернее; счастлив, пока преодолевает их... Проси же, проси, черт возьми. Я жду уже целых девять минут и полвека...

— Я жду, профессор...

— Хм-м... у вас наверняка были другие случаи — не расскажете ли о них? И ваш замысел станет как-то прозрачней...

— Прозрачней? Но поверьте — в других случаях нет ничего интересного. Лесоруб попросил новый мотор для пилы. Домохозяйка — небольшого комнатного слоненка. Философ, чудак человек, попросил приоткрыть Абсолютную Истину. Забавно, не правда ли?

— Понятно. Первые два случая совершенно просты — у всякого порядочного волшебника хватает и слонов и моторов, но как вам удалось вывернуться перед философом?

— Видите ли, Лакимэн, хороший мотор наверняка полезней Абсолютной Истины. Вы ведь не захотели становиться Богом.

— И все-таки, как вам удалось приоткрыть ему Абсолютную Истину?

— Простите, профессор, но может быть, и вам хочется?

— Нет, нет, что вы. Ни малейшего желания...

— Ну и правильно. Ведь философа-то попросту стошнило...

Ты сидишь и удивляешься — Боже, какие идиоты, на кой дьявол мотор тому, кто единым духом может стать хозяином всех лесов и лесопилок, получить вагон бесплатного джина или корону галактическо-

го императора, или жениться на племяннице окружного прокурора, или... Именно — или-или... А ведь это смертельный номер — побывать в шкуре вселенского буриданова осла, сам увидишь...

— Я жду, профессор.

Лакимэн ущипнул себя за руку и вдохнул вполне реальный сигаретный дым. Вот что странно — к лицу ли всеильному существу столь примитивное удовольствие? Он много курит, решил Лакимэн, почти как я...

Он мог бы придумать что-либо поэффектней воздушного фильтра на «Филипе Моррисе»...

Зачем, зачем... тысячи зачем и почему — как будто они, эти прелестные почемукалки, чем-то помогут, заставят поверить в непонятный и явно запоздалый рецедив детских фантазий...

— Видите ли, мистер Икс, мне, признаюсь, немного не по себе — трудно осознать все происходящее. Поймите меня правильно — я должен что-нибудь сообразить, построить какую-то модель... Кто вы? К чему вам мои желания? Кого вообще они могут интересовать? Я несколько утомлен, и, может быть...

— Да поверьте же, в данный момент я не менее реален, чем вы, Лакимэн, в каком-то смысле реальной вас, как знать... И ни одна ваша модель не ухватит существа дела, потому что вы не знаете всех степеней реальности, а ваша логика — мячик, летающий между игроком «да» и игроком «нет»...

Какие-то буддийские фокусы, вздохнул Лакимэн, вот этого я никогда не понимал и не пойму, и Кэт была тысячу раз права, когда послала меня подальше, — но неужели ее мазня соответствовала какому-то особому миру вне испачканных холстов? А чему соответствует он?

— ...и, по-моему, ничего опасного я вам не предложил — напротив, мои слова вызвали у вас благоприятный отклик, не так ли?

Проси же, проси... бессмертие, славу, деньги, пронзил мозг профессора полузабытый срывающийся голосок маленького Чарли... единственный случай — неповторимый... никогда, нигде, ни при каких условиях, ни за какие молитвы — не-повторимый!.. не упусти... не упусти...

— Хорошо, но сначала я хотел бы кое-что проверить, мистер Бог, да-да, проверить! Я уже много лет пытаюсь вывести одно весьма полезное уравнение. Оно связано с новой космологической теорией и позволило бы единым образом объяснить очень многое — знаете, модель Первовзрыва, программа эволюции Вселенной, записанная на исходных сверхплотных структурах, вакуумные флуктуации, и все такое... Не уверен, успею ли завершить свою работу, но похоже, вывод уравнения не за горами — я неисправимый оптимист. Не подумайте, что я хочу предложить это дело вам — полагаю, оно слишком сложно даже для создателя домашних слонов и распространителя Абсолютной Истины. Но недавно я сообразил, что по пути должен обнаружиться совершенно новый эффект — чрезвычайно любопытное явление. Понимаете ли, есть механизм, ограничивающий всякую мощность излучения, светимость любой звезды и Вселенной в целом... Я его чувствую, я знаю, что его можно будет обнаружить экспериментально — и это окажется чистой реальностью без всяких ваших степеней... Я просто убежден, что отсюда посыплется много неожиданно, например, станет ясно, что черные дыры не выгорают дотла, даже после мощной финальной вспышки кое-что остается — как бы сверхплотные зародыши будущих вселенных, понимаете? Вам вообще-то известно, что небольшие черные дыры

должны светиться — те, которые вроде бы все поглощают, не выпуская ни одного кванта наружу, однако же подыхают вовсю, ибо возбуждают окружающий вакуум... Вам понятно?

Меня понесло, как на семинаре, словно рядом не хитрый мистификатор, а полный зал специалистов по квантовой гравитации, вдруг осознал Лакимэн, да и для коллег так не годится — слишком цветасто, в стиле начинающего популяризатора... Воистину понесло...

— Считайте, что понятно, — вздохнул Старик.

Считай, что я все понял, Чарли, все-все и еще немного сверх того... Или, предположим, я даже не слышал о черных дырах — какая разница? Важно, что они должны светить, несмотря на все гигантское тяготение, стремящееся сотворить из них космические могилы, заставляющие захлебываться некогда сверхяркие звезды, захлебываться собственным молчанием, молчанием-ловушкой. И все-таки они светят, светят и даже взрываются. Это обнаружили задолго до тебя, и ты поверил в светимость черных дыр, и теперь ты хочешь доказать их несгораемость, неуничтожимость загнанных за черту коллапса и доведенных до состояния адского взрыва бывших сверхярких звезд. Дерзай, Чарли, дерзай хотя бы в память о незабвенном Дрэгсе...

— Но вот беда, — продолжал Лакимэн, — я не могу оценить тут одно промежуточное выражение. Предел светимости, о котором я говорю, — это пятая степень скорости света, деленная на удвоенную гравитационную постоянную, но вывод... как дать вывод? Наверное, этого нельзя сделать без общего уравнения или без гениальной интуиции, но ни того, ни другого у меня, к сожалению, нет. В общем нельзя ли устроить так, чтобы на моем столе оказалась бы, э-э... короче говоря, нужная

оценка в более или менее правдоподобном виде. Двойная польза — вы сэкономите мне добрый месяц рабочего времени, может, и целый год... ну... и ваше предложение станет как-то оправданней.

Профессор Лакимэн с удовольствием откинулся на спинку кресла. Он нашел единственно верный ход, достойный настоящего ученого, — экспериментально проверить возможности своего странного гостя. Чародей не обманет физика!

Улыбаясь своим мыслям, Лакимэн снова прикрыл глаза. Если этот мудрец не обыкновенный плут и мистификатор, то он, Чарлз Лакимэн, найдет что попросить, непременно найдет... Нет-нет, не стоит просить всезнание — богами движет лишь тщеславие, они — по определению, лишены любопытства, а так жить в общем-то скучно... Все равно существует немало путей — нечто незаурядное, хотя бы путешествие на Марс или полная коллекция марок всех времен и народов, кое-кто лопнет от зависти...

Свинство, обычное эгоцентрическое свинство, не хватало еще потребовать пару миллионов или герцогский титул... Универсальное средство от рака или полная ликвидация ядерных зарядов — вот что действительно нужно. Поставить всех этих дрегсов и их неимоверно расплодившихся наследников, дружно чавкающих вокруг всевозможных секретных кормушек, в очередь безработных...

Резко мигнула настольная лампа. Рядом с ней на кипе исписанной бумаги появился новый листок, сверху донизу заполненный формулами. И не как-нибудь — рукой Лакимэна, его мелкими аккуратными закорючками. Едкая смесь восторга и испуга захлестнула Лакимэна, он чуть не задохнулся от нее.

— Ладно, сдаюсь, — с трудом выдавил он, — Сейчас скажу вам о своем желании.

— Прости, Чарли,— очень тихо ответил старик,— но речь шла об *одном* желании. Я исполнил его, не так ли? Никто не виноват, что ты не поверил мне сразу. Прощай.

Лакимэн удивленно повернулся к гостю, но увы — того в кабинете не было, никого не было, да и быть не могло в этот вечер в кабинете. Полумрак, бумаги, книжные ряды вдоль стен... Стараясь не смотреть на освещенный угол стола, Лакимэн поднялся, подошел к окну, открыл его и застыл, вдыхая свежий лесной воздух. И совсем как в детстве, его ресницы играли игольчатостью золотых звездных крестиков... удивительная ночь... покой, словно некуда больше торопиться, словно все, подлежащее счету, давно рассчитано... покой, если отбросить слабое, но назойливое влечение — повернуться, хотя бы издали взглянуть на тот листок...

Окно так и осталось открытым.

Первые строчки почти полностью совпадают с уже проделанными оценками... почти полностью... но почему дальше так неожиданно... совсем простой, замечательно остроумный ход... и это соотношение, обведенное рамочкой,— оно стоит двух рамочек... так-так...

Лакимэн поудобней устроился в кресле, придвинул стопку чистой бумаги и принялся за расчеты. Постепенно глаза его расширились, на лице выступили красные пятна. Отбросив карандаш, Лакимэн уставился невидящим взором в потолок. Рука нашупала сигареты, он жадно затянулся, выключил лампу. В комнату осторожными серыми струйками просачивался рассвет.

Чарлз Лакимэн до конца своих дней сожалел, что репутация фантазера не позволила ему обнародовать правдивую картину своего предсказания. Он сообщил о событиях волшебной ночи лишь одному

человеку — своему другу Лео Косситу, но этого оказалось вполне достаточно, чтобы легенда стала доступна всем. Кому не известна очаровательная болтливость великого Лео... Впрочем, на этот раз Коссит легко избежал порицания. Еще бы! Ведь именно он экспериментально обнаружил трижды парадоксальный эффект Лакимэна.

Минск, 1976-1984.

СОДЕРЖАНИЕ

Эффект лягушки	3
Эффект Лахимэна	19